

МОЙ АЙТМАТОВ

Айтматовым нам завещано огромное богатство. И разве смог бы подняться современный человек на такую огромную нравственную высоту без его книг? И как бы далеко ни ушло вперед человечество, какие бы горизонты ни распахнулись перед ним, Айтматов всегда будет моим любимым учителем, а вместе с тем и учителем литераторов. Читая Айтматова, я чувствую необыкновенное могущество языка его произведений. Если иметь виду художественный опыт Чингиза Торокуловича, его стиль, технику построения фразы, то они неподражаемы в самом прямом смысле этого слова. Неподражаемо и то, как у него, происходит лепка характеров, отбор так называемых «художественных деталей» и прочее. Многие из пишущих пытались по айтматовски нагромождать один деепричастный оборот на другой, одно сложносочиненное и сложноподчиненное предложение на другое, бесконечное число раз сталкивать «кто» и «что-то» и «что», и наоборот. А результат один: читатель сейчас же обнаружит, откуда взято все это, и, в лучшем случае, снисходительно улыбнется, в худшем – назовет автора жалким эпигоном. Поступит он, читатель, также и в том случае, ежели ты позаимствуешь «иссиня-черные» глаза Джамили с их прелестной едва заметной «миндалевидной» раскосинкой и одаришь ими какую то свою героиню, присовокупив к ним еще и порхающую улыбку Толгонай. У Айтматова внешние эти приметы не статичны, не неподвижны, они все время меняются в зависимости от внутреннего состояния героя или героини в тех или иных обстоятельствах. Порхающая улыбка Толгонай порхает по-разному, а глаза Джамили, «вспыхивали молодым задором», когда она пела айильские песенки. Так же проявляется и хромата Данияра, отвечая исключительно психологическому настрою этого персонажа.

Это вовсе не причуды гения. У Айтматова где-то на дальнем прицеле – самая важная мысль. Добираясь до нее, он как бы ввинчивается в глубину, в толстый пласт, под которым залегает искомое. При этом первая часть фразы – лишь первый поворот бура, за ним последуют второй и третий, до тех пор, пока главная мысль не будет до конца обнажена перед читателем, равно как и перед самим автором. Чингиз Айтматов меньше всего уповал на подтекст, у него все – в тексте, и он не боялся, что кто-то обвинит его в многословии, ибо для великого художника важнее важного было то, как вовлечь читающего в мир своих волнений, увлечь его за собой в напряженных поисках истины, возмутиться до самых сердечных глубин тем, что заслуживает возмущения, и порадоваться с той же степенью, душевного накала тому, что достойно радости и счастливого удивления. Все мирские и мировые потрясения он, Айтматов пропускал через себя и немедленно, иной раз набатно отзывался на них своим звучным глаголом, который был слышен во всех уголках планеты.

Читая и перечитывая Айтматова, околдованный воистину колдовскими чарами языка его творений, невольно ловишь себя на мысли: Мастер владел пером настолько, что ему доступно была всякая самая тонкая и наитончайшая работа!

И уж не я один, но все, кто бы ни обращался к этому писателю, в героях его литературных произведений без труда различают, угадывают черты самого Чингиза Торокуловича. Родившийся в сердцеvine Кыргызстана, зачерпнувший в родимых краях полный ковш из его языковых, речевых народных богатств, писатель устремил свой острый взор художника во все края своего Отечества с его захватывающими дух просторами и необыкновенно интересными, сильными, самобытными, неповторимыми натурами людскими. Действительно очарованный всем этим, Айтматов, однако же, не дал себя ослепить влюбленностью в родную землю, а разглядел на ней все тем же острым и

бесстрашным оком многое из того, что не как уже не могло очаровать Мальчика из повести «Белый пароход».

Глаз его, добавлю я от себя, как скальпел хирурга, рассекал живое тело Кыргызстан на всю его глубину и ширину. Рассекая, удивлялся действительно удивительному и прекрасному на этом теле и при всем при этом безжалостно обнажал то, что уродовало и искажало жизнь народа, достойного лучшей доли.

Этим, мне кажется, только и можно объяснить феномен Айтматова-писателя: не один из великих его современников не представил нашему то восторженному, то опечаленному взору такую длинную череду, такую пеструю галерею человеческих типов, как это сделал Айтматов. Отсюда же и разнообразие, и многообразие его языковых средств, накапливавшихся по мере познания мира всего, положенных на крепкий, надежнейший фундамент слов, усвоенных с малых лет в родном уголке. Сам Айтматов не делал секрета из секретов его ни с чем не сравнимого и не сравненного языка. Взятое у народа, частицею, живую каплею коего был сам писатель, слово народное в мастерской великого умельца гранилась и возвращалась тому же народу на вечное пользования и хранение как редчайшая драгоценность, с которой не сравнится ни жемчугам, не алмазам, не изумрудам, не золоту самой высокой пробы.

Мы в Вами должны быть счастливы и бесконечно горды от сознания того что, являемся обладателями этой драгоценности, оставленной для нас душевно щедрым и едва ли не самым скромным жертвователем по имени Айтматов.

Казалось бы, его мозг, его сердце, работавшие с нечеловеческой нагрузкой без малого столетие, могли притомиться, устать, ослабнуть, как это нередко случалось даже с очень значительными людьми, когда у них наступала «амортизация души». Но мы теперь знаем, что напряженнейшая работа мысли у Чингиза Айтматова продолжалась до самого исхода, самой последней минуты его жизни. По свидетельству людей, которые находились у изголовья умирающего, последним движением, которое он сделал, было движение правой руки, как бы продолжающий что-то писать. Сердце гения остановилось. Но мозг Айтматова живет в его бессмертных творениях, он продолжает излучать, и будет еще долго излучать негасимый свет добра и великой тревоги за судьбы человечества.

Всеми своими писаниями, физическим своим бытием (а оно относительно его творений было лишь мгновением) он настойчиво внушал людям одну и ту же мысль: еже ли ты человек, то ты не можешь быть счастливым, когда вокруг тебя много несчастных. Это мы называем гуманизмом Айтматова. Но разве не той мыслью живет наше теперешнее общество, спешащее подать братскую руку помощи тому, кто в ней нуждается.

Чем же близок мне Чингиз Айтматов?

Вероятно, тем же, чем он близок он всем людям земли. Прежде всего своим безмерным отвращением к равнодушию и не угасавшим ни на час беспокойством за судьбы человеческие. Не скрою и того, что Чингиз Айтматов, бесконечно дорог мне, как, конечно же, и всем моим соотечественникам, тем, что он родился на кыргызской земле, творил под ее небом и дышал тем воздухом, которым дышим мы с вами.

Что же касается собственно литературных дел, то самим фактом существования его произведения и поныне наносят сокрушительные удары по тем, кто хотел бы склонить литературное движение на дорогу, пролегающую далеко в стороне от вечных и повседневных забот и тревог людских. Прознающий, взор Чингиза Айтматова как бы говорит им: «Постыдитесь!»

Его седая голова долго еще будет, видится нам над трибуной, его живая, беспокойная рука, без конца встряхивающая серебристые вихри, долго еще будет учить нас трудному искусству быть человеком.

Все, что сделано и делается сейчас в Кыргызстане по увековечению памяти писателя лишней раз убеждает, что сердце народное – самое надежное хранилище духовных наших ценностей. Важно, чтобы мы вспоминали о замечательных сынах Отечества не только по торжественным, юбилейным дням. Делать этого надо почаще!

Айтматов – это целый мир. И вместе с тем Айтматов это Кыргызстан, ее беспокойная совесть. Сердце гражданина мира было колоколом любви и вещей, и могучий звон его слушают все живые сердца планеты – Земля.

Бондаренко О. Я.,

исп. директор Ассоциации издателей
и книгораспространителей

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ЧЕЛОВЕКОМ И ПОЧЕМУ ЛЮДИ ВСЁ МЕНЬШЕ ЧИТАЮТ: НЕСТАНДАРТНЫЙ АНАЛИЗ

Все знают, что мир сейчас сталкивается с ситуацией, что люди меньше читают – с каждым годом постепенно отказываются от книг. Процесс этот сложный и неоднозначный, в разных странах он протекает по-разному, борьба за чтение проходит с переменным успехом. Но общий вектор просматривается – книжные магазины переживают кризис, издательства и выставки-ярмарки печатной продукции снижают обороты. На бумаге уже почти не выходят рассказы и повести. Романы еще живут, но в целом обмельчали – это уже далеко не та классика прошлых веков... Литература как институт качественно меняется, прямо на глазах. Писатели более не могут прокормиться литературным трудом, зависят от капризов интернета. Цифра убивает?

И такое положение, или схожее по сути, в других областях творчества. Музыка – перестала быть элитарной в хорошем смысле слова, она сейчас проще, повседневней, «демократичней», «ближе к народу» и при этом пронизана компьютеризацией. Изобразительное искусство – еще одна жертва цифровой эпохи, когда художники как-то постепенно вытесняются компьютерными дизайнерами, либо, чтобы выжить, превращаются в них. Цифра развращает?.. Каждый продвинутый пользователь начинает считать себя знатоком, и этому явлению активно помогают PR и технологии.

О чем же говорят все эти *предвестники*? Я думаю, что о конце привычной культуры – и о переходе ее в принципиально иную фазу, оценить которую нам, сегодняшним, не дано.

Чтобы правильно понять, что происходит, скажу пару слов о «законе ромба». Он является одним из рабочих инструментов *нелинейного уровневого подхода* – методологического подхода, который я разрабатываю с 1995 года [1]. Я воспринимаю его как родственное синергетике междисциплинарное направление, но альтернативное ей.

Итак, «закон ромба» гласит: всё сущее в своем развитии проходит три уровня (если выдерживается весь цикл): от простого к сложному – и вновь к простому, но со штрихом, то есть простому следующего порядка. Иными словами, всё начинается с исходной точки – с чего-то простого, незамысловатого, данного. Затем со временем идет усложнение, появляется *количественное* разнообразие, «ветвление древа», его «раздувание» вширь. И наконец, ближе к вершине «ромб» вновь «утоняется», все ветви «древа» соединяются в целое, происходит возврат к простому, но уже на новом, *качественно* более высоком уровне. Была ширь, стала глубина; не зря говорят: «всё гениальное просто». Низшее простое и высшее простое могут походить друг на друга, и всё же между ними – качественная разница.